

товкой и вывозкой топлива. Например, Хулдатская семилетняя школа Торейского аймака и Шаралдайская семилетняя школа Мухоршибирского аймака не имели ни одного кубометра дров по вине колхозов. В ряде аймаков не был организован подвоз детей, живших далеко от школы, не были созданы фонды всеобуча и нормальные условия для интернатов.

Таким образом, основными причинами неудовлетворительного осуществления всеобуча в школах Бурят-Монгольской АССР являлись следующие. Органы народного образования и школы республики недостаточно обращали внимание на материально-бытовые условия учащихся и не предупреждали отсев школьников. В результате даже к концу исследуемого нами периода в школах республики успеваемость учащихся была крайне низкой, и насчитывалось множество второгодников. Так, за 1951–1954 г. успеваемость в школах Бурят-Монгольской АССР колебалась от 80 до 82%. Ежегодно на второй год оставалось 14–15 тыс. учащихся, многие из которых не являлись в школу к началу учебного года (*Там же, л. 5*). Другой важной причиной слабого уровня выполнения программы всеобуча был ежегодный большой отсев и недостаток учащихся в отдаленных и горных районах: Окинском, Закаменском, Баргузинском, Торейском, Курумканском, Еравнинском и др. В результате многие учащиеся школ названных районов, родители которых работали на дальних животноводческих гуртах и бригадах (в среднем 50–60 км), часто опаздывали на занятия, пропускали уроки или просто выбывали из школ ввиду отдаленности от них и отсутствия интернатов.

А.Г. МИРОНОВ

ОЗЕРЛАГ: КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Особый лагерь № 7 «Озерный» сыграл заметную роль в экономическом развитии Среднего Приангарья. В настоящей работе, на основе документов Государственного архива Российской Федерации, предлагается проследить за тем, как принималось решение о его создании и основном профиле работы.

О необходимости размещения особых лагерей в Приангарье речь идет в Приказе МВД СССР от 28 февраля 1948 г.: «начальнику ГУЛЖДС построить в течение 1948 г. и первой половины 1949 г. дополнительно особые лагеря на 45 000 человек в северной части Иркутской области на лесных разработках в районе Братска» (*ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, д. 8, л. 103*).

Для разработки мероприятий, связанных с организацией этих лагерей распоряжением МВД СССР № 280 от 15 мая 1948 г. была создана комиссия под председательством начальника планового отдела М.Н. Попова. Комиссией было предложено направить в Иркутскую область

бригаду руководящих работников ГУЛАГа и ГУЛЛП МВД СССР, которой было поручено совместно с руководством УМВД по Иркутской области и Тайшетлага МВД произвести обследование лесных массивов и выбрать место для строительства лагерей (ГАРФ, ф. 9414, оп.1, д.1842, л.43).

В августе 1948 г. бригада в составе и.о. начальника УМВД по Иркутской области Тамман, и.о. начальника Тайшетлага Евстигнеева, начальника отдела ГУЛАГа Александрова, начальника отделения ГУЛАГа Дубровского и инженера ГУЛЛП МВД Ковалева произвела предварительное определение лесных массивов, предназначенных для закрепления за МВД и предложила районы для дислокации особых лагерей, общей численностью 45 000 заключенных.

Результаты этой поездки нашли свое отражение в справке, направленной 15 сентября 1948 г. начальником ГУЛАГа Г.П. Добрыниным на имя заместителя министра внутренних дел В.В. Чернышева (Там же, л.147–149).

Наибольший интерес в этом документе вызывают районы, выбранные комиссией для дислокации особых лагерей. Обратим внимание здесь, что и в Приказе МВД от 28 февраля 1948 г. и в последующих документах, связанных с созданием особых лагерей в Приангарье, речь идет о лагерях, т.е., как минимум двух, а не об одном конкретном лагере. Поэтому бригада руководящих работников ГУЛАГа и областного УМВД, выполняя поручение МВД, выбрала для развертывания новых режимных лагерей две площадки.

Первый лагерь условно назван Новочунским. Его предлагалось разместить на участке строящейся железной дороги от 103 до 200 км. Дислокация лагеря в этом районе обусловлена наличием лесных массивов с эксплуатационным запасом до 10 млн м³. Для Управления лагеря были предложены свободные помещения бывшей Мостовой колонны Тайшетлага на 124 км железной дороги, а для первоначального размещения особого контингента — пять свободных лагерных городков на 2 000 заключенных. В справке отмечалось, что вблизи городков имеются три небольших лесозавода, кирпичный завод и комбинат домостроения, принадлежащие Тайшетлагу, что делало возможным использовать заключенных Новочунского особого лагеря не только на лесозаготовках, но и на работах по производству строительных деталей, мебели, тары, кирпича, черепицы и других деревообделочных и гончарных изделий.

По мнению начльника ГУЛАГа, наличие на этом участке лагерных городков и производственных площадок Тайшетлага, позволяло организовать Новочунский лагерь уже в 1948 г., так чтобы первые 2 000 заключенных своими силами произвели расширение лагерных городков и строительство новых лагерных отделений.

Второй лагерь, получивший условное название Анзебинский, было намечено разместить от 238 до 307 км строящейся железной дороги.

Лесные массивы в этом районе по оценке комиссии МВД составляли 7,5 млн м³, но в отличие от первой площадки здесь в то время не было никаких специализированных подразделений Тайшетлага по заготовке и обработке леса. Управление лагеря предлагалось временно разместить в районе станции Турма в свободных помещениях Тайшетлага, где имеется 40 квартир для вольнонаемного состава и один лагерный городок на 1 000 заключенных. Для постоянного размещения управления лагеря предлагалось переоборудовать три восьмиквартирных дома, расположенных в районе 22 разъезда в 5 км от железной дороги.

В своем обращении в МВД руководитель ГУЛАГа предлагал ускорить закрепление за министерством Новочунского и Анзобинского лесных массивов, отмечая, что в районе проектируемого Новочунского лагеря Министерством лесной промышленности СССР производятся изыскательные работы и начинается организация леспромхозов. Свое преимущество в таком «соревновании» министерств за право освоения лесных массивов региона ГУЛАГ отстаивал, ссылаясь на постановления ГОКО и СНК СССР 1945 г., которыми на все время строительства БАМа за МВД были закреплены лесные массивы вдоль железной дороги.

Для проведения дальнейших работ по организации особых лагерей в Иркутской области Г.П. Добрынин считал необходимым передать начальникам ГУЛЖДС, ГУЛЛП МВД СССР все материалы, представленные бригадой МВД. Одновременно предлагалось приказом МВД СССР оформить организацию Новочунского особого лагеря с назначением начальника и возложением на него ответственности за капитальный ремонт, намеченных к передаче подразделений Тайшетлага, а также строительство новых лагерных городков, чтобы уже в 1948 г. добиться наполняемости лагеря в 10 000 заключенных (*Там же, л. 147–149*).

Всего лимит особых лагерей Иркутской области должен был составлять 45 000 заключенных. Доступные автору документы не позволяют пока определить, где и когда было принято решение о слиянии двух еще не созданных особых лагерей. Если в начале октября 1948 г. начальник ГУЛАГа Г.П. Добрынин в своем обращении к министру внутренних дел С.Н. Круглову упоминает об организации в Иркутской области новых особых лагерей № 7 и 8, то уже 30 октября сообщает о готовности проекта приказа об организации особого лагеря № 7 на 45 000 заключенных (*Там же, л. 198*). Здесь же мы узнаем, что проект приказа согласован со всеми заинтересованными управлениями и отделами МВД СССР, то есть, за неполный месяц в одном из управлений или отделов министерства пришли к выводу о нецелесообразности создавать на одном участке два особых лагеря. Забегая вперед, отметим, что, несмотря на значительные размеры осбоблага, его полсотни лагпунктов были рассредоточены на 300-километровом участке железной дороги Тайшет-Братск, объединение лагерей позволило упорядочить организацию труда заключенных, а также значи-

тельно сократить расходы на содержание дополнительного управленческого аппарата. Эффективность такого решения отчасти подтверждает и слияние в 1951 г. существующих по соседству особых лагерей № 8 и 9.

7 декабря 1948 г. Приказ МВД СССР № 001443 регламентировал создание особого лагеря № 7 (наименование «Озерный» он получил в июле 1949 г.). Организация особого лагеря возлагалась на Ангарский ИТЛ МВД. Лагерь подчинялся Главному управлению лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС МВД СССР), а его «столицей» становится не Новочунка или Турма, а Тайшет.

Начальник Ангарлага М.В. Филимонов по совместительству был назначен начальником особого лагеря № 7. Подобное совмещение в ГУЛАГе рассматривали как меру, способствующую сокращению промежуточных звеньев в организации трудовой деятельности заключенных особых лагерей. 9 декабря 1948 г. министерством внутренних дел была издана Директива № 754, упорядочивающая взаимоотношения начальников особых лагерей с руководством основных лагерей МВД. Начальникам Норильлага, Воркутлага и Севвостлага было приказано принять на себя полностью руководство особыми лагерями по вопросам режима и трудового использования заключенных и руководить деятельностью особых лагерей через своих заместителей. Этим документом было предложено сосредоточить выполнение всех хозяйственно-управленческих функций особых лагерей в базовых исправительно-трудовых лагерях МВД, для чего часть аппарата особых лагерей перевести в ИТЛ.

На практике слияние аппаратов ИТЛ с соответствующими аппаратами особых лагерей не отвечало поставленным задачам. При наличии единого хозяйственного управления, руководство комбинатов и строителств МВД, в силу строгих режимных ограничений организации труда политзаключенных, в первую очередь, привлекало к основным видам работ заключенных ИТЛ, в то время как особые контингенты, труд которых предписывалось использовать на тяжелых физических работах, нередко оставались в лагере без дела.

Простой контингента стал, пожалуй, главной проблемой в первый год существования особого лагеря № 7. За 1 полугодие 1949 г. было потеряно более 1 млн человеко-дней, при общей стоимости затрат на содержание контингента свыше 15 млн р. (*Там же, д. 1846, л. 115*). Наряду с отсутствием фронта работ, серьезной проблемой для нового лагеря стала неукомплектованность конвойных войск, обеспечивающих охрану лагерных зон и вывод на работы заключенных, а также отсутствие достаточного количества лагпунктов, отвечающих требованиям режима особого лагеря. Здесь вновь проявились негативные стороны единоначалия. Средства, поступающие в Ангарлаг для ремонта и капитального строительства подразделений особого лагеря, не использовались по назначению.

Это стало очевидным в ходе специальной проверки выездной комиссии. По ее результатам 2 сентября 1949 г. при начальнике ГУЛАГа состоялось совещание, тематика которого в протоколе определена так: «О состоянии и деятельности Озерного лагеря». М.В. Филимонов доложил о неблагоприятных условиях организационного периода, объяснив их необходимостью заниматься организацией нескольких лагерей и принимать этапы с различными контингентами (*Там же, д. 1842, л. 25*).

Результатом этого совещания стала разработка проекта приказа МВД СССР, в соответствии с которым особый лагерь № 7 с 1 октября 1949 г. должен был быть реорганизован в лесозаготовительный. Руководство производственно-хозяйственной деятельностью лагеря возлагалось на Главное управление лагерей лесной промышленности МВД СССР. Проект предусматривал освободить М.В. Филимонова от обязанностей начальника Управления особого лагеря № 7, с 1 октября 1949 г. лагерь должен был возглавить заместитель начальника Агарлага С.К. Евстигнеев (*Там же, д. 1843, л. 20–21*).

И здесь мы не можем пока объяснить, что произошло в кабинетах ГУЛАГа осенью 1949 г. Ведомственные интересы или какие-либо другие причины вынудили отказаться от разработанного проекта приказа. Осталось без внимания и предложение заместителя начальника ГУЛЖДС МВД СССР Л.С. Буянова, считавшего целесообразным передать особый лагерь № 7 из системы ГУЛЖДС в ведение ГУЛАГа МВД СССР.

Так или иначе, новый этап в истории Озерлага начинается 22 декабря 1949 г. с принятием приказа МВД СССР № 001110. Лагерь оставался в подчинении ГУЛЖДС МВД СССР, но становился самостоятельным от Ангарского строительства МВД, а контингент особого лагеря предоставлялся Ангарстрою на контрагентских условиях. Дальнейшее развитие Озерного лагеря доказало эффективность принятого решения.

Д.Н. МУРАВЬЕВ

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ПЕРЕСТРОЙКИ 1985–1991 гг. НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Период перестройки 1985–1991 гг. рассматривался различными учеными в различных аспектах. Однако малоизученной остается роль средств массовой информации в ходе реформирования советского государства. А между тем она значительна. Стоит только вспомнить, что одним из первых шагов горбачевской модернизации стало провозглашение политики гласности, которая непосредственно повлияла на работу